

УДК 130.12+316.3

Целостность социального сквозь призму реализации дара

Бродецкая Ю.Ю.

Днепропетровский национальный университет им. О. Гончара, Днепр (Украина)

Актуальность феномена социальной целостности заставляет исследователей рефлексировать относительно перспектив и моделей его реализации. Как возможно будущее общества, что составляет основания и угрозы его функционирования, каковы механизмы преодоления проблемы и условия формирования социальной целостности? Эти вопросы формируют исследовательское поле современного социально-философского дискурса. Потенциал и практики реализации последнего рассматриваются автором как способы конструирования уникальности личности и, соответственно, продуктивных социальных отношений.

Цель статьи – анализ экзистенциальных условий и практик конструирования целостности со-бытия, в качестве которых выступают духовная культура и феномен дара.

Материал и методы. Проблемное поле исследования – феномен дара, его экзистенциальные основания и потенциал, аспекты реализации феномена, создающие уникальность, целостность человека и его со-бытийности в современном обществе. Теоретико-методологическая база – традиции православной христианской философии, экзистенциализма, а также психоанализа, раскрывающие фундаментальные аспекты решения проблемы социальной целостности.

Результаты и их обсуждение. Развертываясь в аспекте постижения духовной культуры, дар, деление даром, выступает, по сути, единственным способом творческой реализации потенциала личности, развертывающимся в процессе обнаружения и развития сущностных сил человека, его духовной активности. Это порядок продуктивной со-бытийности, в основании которого лежат духовные связи (но не зависимости!) – опыт деления даром. Поэтому говоря о практиках реализации социальной целостности, необходимо исследовать потенциал дара, символично открывающего логику воплощения опыта единения в социальную реальность.

Заключение. В решении проблемы социальной целостности следует опираться на формирование комплексной методологической перспективы, в рамках которой возможен анализ условий, механизмов, логики развития социального единения, а также угроз, актуализирующихся в условиях формирования обществ современного типа. В этой связи анализ феномена дара представляется необходимым для компаративного анализа проблематики целостности.

Ключевые слова: социальная целостность, дар, духовная культура, цельное знание, опыт коммунитас.

(Ученые записки. – 2017. – Том 23. – С. 131–136)

Social Integrity through the Prism of Gift Implementation

Brodetskaya Y.Y.

Oles Honchar Dnipropetrovsk National University, Dnipro (Ukraine)

The relevance of the social integrity phenomenon compels researchers to reflect on the prospects and patterns of its implementation. How might the future society be, what makes the conditions and the threat of its operation, what are the mechanisms to address the problem of social integrity? These questions constitute the research field of modern social and philosophical discourse. Potential and practices of the phenomenon are explored by the author as ways of constructing the uniqueness of the personality and, consequently, productive social relations.

The purpose of this study is the analysis of constructing existential conditions and practices of the integrity of co-existence, which are the spiritual culture and the gift phenomenon.

Material and methods. The problematic field of research is the gift phenomenon, its existential foundations and potential, the phenomenon aspects that create the uniqueness, integrity of human and his co-existence in modern society. Theoretical and methodological basis of the research were the traditions of the Orthodox Christian philosophy, existentialism and psychoanalysis, which disclose fundamental aspects of social integrity problem decisions.

Адрес для корреспонденции: e-mail: brodezkaja_yulij@mail.ru – Ю.Ю. Бродецкая

Findings and their discussion. Gift, sharing gift is implemented within the framework of spiritual culture comprehension. In fact, gift is the only way to creatively implement individual potential, which unfolds in the process of discovering and developing a person existence, his spiritual activity. This is the order of the productive co-existence, based on spiritual ties (but not dependencies!) – sharing gift experience. Therefore speaking about the practices of realizing social integrity, it is necessary to explore the gift potential. The gift phenomenon symbolically opens the logic of realization of the integrity experience in social reality.

Conclusion. To solve the problem of social integrity it is necessary to shape a complex methodology that will identify the conditions, mechanisms, the logic of social integrity. This methodology will also detect threats to the integrity that are actualized in conditions of shaping the contemporary society. In this connection, the analysis of the phenomenon of gift seems to be necessary for comparative analysis of the social integrity problems.

Key words: social integrity, gift, spiritual culture, whole knowledge, *communitas* experience.

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 23. – P. 131–136)

В качестве условия и механизма формирования и развития индивидуальной и социальной целостности духовная культура открывает перспективу экзистенции человека «*быть*». Весь потенциал данного феномена, безусловно, ориентирован на воссоздание личностного (а следовательно, и социального) порядка, раскрытие духовного потенциала человека. Посредством организации, структуризации социальной среды, придания смысла, понимаемости, опознаваемости и уникальности окружающего мира, мира Другого, на индивидуальном уровне духовная культура как цельное знание интериоризируется в систему социальных отношений, где созревает продуктивная установка личности – стремление «*быть*». Экзистенциальная сущность и в то же время уникальность последней в отличие от стремления «*иметь*» заключается в открытости миру Другого. В связи с этим Ж. Делез отмечает, что «*быть открытым для других – это исконное определяющее свойство человека, а не некий поступок. Любое действие – поступить как-то с людьми, что-то сделать для них (или навредить им) – всегда предполагает предварительное пассивное состояние открытости человека... это основа всевозможных “социальных отношений”, чистое присутствие в моей жизни людей – присутствие, представляющее собой подлинное со-присутствие “Другого” (в единственном или множественном числе)*» [1, с. 125]. Иными словами, лишь в организованной определенным образом системе социальных отношений, коммуникационной среде, человек способен оформляться в качестве участника, со-творца (Я всегда существует как система отношений с Ты, Другим, Мы). Само по себе Я вне структурированных коммуникативных актов существовать не может, о чем С. Франк говорит: «Я – коммуникативный очаг, где непрерывно пульсирует совокупность отношений, без которых

мы не можем встроиться в близкий нам мир» [2, с. 254]. Французский же философ М. Монтень утверждает: «Во всяком индивидуе уже присутствует другое Я, оно заранее составляет конституитивный элемент сознания. Таким образом, со-бытие “других Я” дается не эмпирически, а трансцендентально, составляет внутреннюю структуру личности, и эта структура является онтологическим основанием индивидуального опыта. Ядро самовосприятия индивидуума есть процесс, суть которого составляет направленность на Другого. Пока человек не может посмотреть на себя как на другого, акт самовосприятия не может состояться» [3, с. 132].

Цель статьи – анализ экзистенциальных условий и практик конструирования целостности со-бытия, в качестве которых выступают духовная культура и феномен дара.

Материал и методы. Проблемное поле исследования – феномен дара, его экзистенциальные основания и потенциал, аспекты реализации феномена, создающие уникальность, целостность человека и его со-бытийности в современном обществе. Теоретико-методологическая база – традиции православной христианской философии, экзистенциализма, а также психоанализа, раскрывающие фундаментальные аспекты решения проблемы социальной целостности. Компаративный метод позволяет выявить этапы и логику развития идеологии тотальности в контексте инвестиции тотальных практик в социальную жизнь, их претензии на решение проблемы целостности социального.

Результаты и их обсуждение. Наиболее полное свое раскрытие феномен социальной целостности находит в горизонте христианских смыслов, где «преодолена замкнутость мира, человеческой душе открыт доступ из него в блаженное надмирное богочеловеческое бытие» [4, с. 102]. В этой

связи исследование потенциала духовной культуры как системы цельного знания, транслятора опыта *communitas* детерминирует поиск ответов на вопрос об условиях становления целостности общества, открывает перспективу анализа практик и форм его реализации. «Живое знание» (А. Хомяков, Г. Шпет, С. Франк), «цельное знание» (В. Соловьев), Истина, способная открыться человеку в процессе познания себя, выступает смысловым основанием гармоничного человеческого бытия. Это знание, которое становится доступно лишь при условии выхода за пределы дефицитарного познания (тотализированного сознания), когда человек направляет все свои сущностные силы на поиск Истины, когда способен ощущать потребность в единстве, гармонии с собой, ближним, окружающей реальностью.

Выступая условием духовного совершенствования человеческой природы, культура открывает смысл, паттерны продуктивной коммуникации со-бытия, сохраняет преемственность и уникальность времен и поколений, организует внутренний порядок, целостность человека и окружающих его отношений. Стимулируя в личности стремление к удовлетворению духовных потребностей, поиск смысла, истины, культура формирует в нем осознание собственной уникальности, сути, предназначения, сродненности с Целым. Она указывает человеку путь, следуя которому он способен познать себя. Поэтому отвергая ее значение, реифицируя смыслы в знаки, человек, таким образом, лишает себя связи с Целым, шанса познать свой творческий потенциал — дар, реализуя который он становится уникальной, неотъемлемой частью Единого.

Расширяясь в аспекте постижения цельного знания, дар, деление даром как основание социальной целостности выступает, по сути, творческой реализацией потенциала личности, развертывающейся в процессе обнаружения и развития сущностных сил человека, его духовной активности. *Это порядок приобщенности, продуктивной со-бытийности, транслирующей потенции Я в Мы, в основании которого лежат духовные связи (но не зависимости!) — опыт деления даром.* Поэтому говоря о практиках реализации социальной целостности, необходимо обратиться к потенциалу дара, символично открывающему логику воплощения опыта единения в социальную реальность.

Впервые дар как антропологическая универсалия, феномен и культурный ме-

ханизм, обладающий транскультурным и вневременным характером, концептуализируется М. Моссом в работе «Очерк о даре: форма и основание обмена в архаических обществах» (1925 г.)¹. Исследователь акцентирует внимание на том, что под именем «дара» в культуре скрыто функционирует особый механизм, способствующий поддержанию «социального мира и человеческих взаимодействий». М. Мосс выстраивает свою теорию на тезисе о генетической детерминированности дара другим культурным механизмом — обменом, поэтому контекстуальным полем анализа феномена выступает «теория обмена»². В рамках последней ученый и интерпретирует дар как одну из древнейших форм обмена, уловить природу которой, можно путем проведения этнологических и кросс-культурных исследований архаических обществ (древних правовых и экономических систем)³.

¹ Начиная с последней трети XIX века на Западе популяризируется научная традиция исследований дара, которая активно развивается как в практическом, так и теоретическом аспектах: социальная и культурная антропология дара Э. Дюркгейма, М. Мосса, Ф. Боаса, М. Салинза; феноменология жертвоприношения М. Элиаде, Р. Кайуа, Р. Жеррара; разработки в области феноменологии «данного» Э. Гуссерля и М. Хайдеггера; этика Другого Э. Левинаса; конфессиональная христианская теология дара и благодарения А. де Любака, Ж.-Л. Мариона, Дж. Милбанка, Д. Станилоае, Р. Вильямса, Антония Сурожского; анализ обмена, дара и жертвы в постмодернистской философии Батая, Фуко, Барта, Бодрийера, Деррида, Капуто, Жижека и др.

² Основной тезис теории обмена (А. Смит, Д. Рикардо, Дж. С. Милль и И. Бентам) гласил: в экономических отношениях властвует принцип «*du ut des*» («Даю тебе, чтобы ты дал»), поэтому, участвуя в этих отношениях, каждый «человек рационально стремится увеличить до предела свои материальные блага, совокупность “полезных вещей” в процессе деловых или обменных операций, осуществляемых в рамках свободного или конкурентного рынка» [5, с. 272]. В антропологии теория обмена была опробована в 1919 г. Дж. Фрезером, но именно М. Мосс истолковал все аспекты социального взаимодействия и культуры как процесс непрерывного и универсального обмена материальными и символическими благами, узаконив и оправдав тем самым экстраполирование экономических законов и категорий в область теоретической и практической антропологии.

³ Исследование Б. Малиновского, ставшее эталонным этнографическим «насыщенным описанием» сообщества кула, сделанное в работе «Аргонавты Западной части Тихого океана», было опосредовано «Очерком о даре» Марселя Мосса. Как отмечал исследователь: «Сообщество кула состоит из одной или нескольких деревень, жители которых совместно отправляются в большие заморские экспедиции и

На основе анализа «*потлача*», обычая циклической и безостановочной раздачи, получения и возвращения даров у американских индейцев, описанного Ф. Боасом, М. Мосс констатирует, что в архаическом обществе господство обмена в форме дара имело тотальный характер: «Все — пища, женщины, дети, имущество, талисманы, труд, услуги, религиозные обязанности и ранги — составляет предмет передачи и возмещения. Все уходит и приходит так, как если бы между кланами и индивидами, распределенными по рангам, полам и поколениям, происходил постоянный обмен духовного вещества, заключенного в вещах и людях» [7, с. 103].

Потлач сосредотачивает в себе все ценностно-нормативное многообразие социальной жизни: он является религиозным, мифологическим, экономическим, социально-морфологическим, эстетическим, юридическим феноменом. В нем через синтез обязанностей *давать, получать и возмещать* укореняется практика взаимобмена. Из трех взаимосвязанных обязанностей, составляющих обмен в форме дарования (*давать, брать и возмещать*), по мнению исследователя, последняя наиболее важна. Поскольку, будучи формально добровольными, и дар и компенсирующее дарение являются строго обязательными, и любое нарушение экономии и этики дара неизменно приводит к конфликтным ситуациям. Причина конфликта — *активность дара*: «Подарить нечто кому-нибудь — это подарить нечто от своего “Я” ... в этой системе идей считается ясным и логичным, что надо возвращать другому то, что реально составляет частицу его природы и субстанции, так как принять нечто от кого-то — значит принять нечто от его духовной сущности, от его души. Задерживать у себя эту вещь было бы опасно, смертельно, и не просто потому, что морально, но и физически и духовно эти идущие от личности вещи, эта сущность, пища, движимое и недвижимое имущество, женщины или потомки, обряды или союзы обладают над вами религиозно-магической властью» [7, с. 100].

участвуют в сделках кула как единое целое, сообщая совершают магические обряды, имеют общих лидеров и обмениваются драгоценностями в границах одной и той же внешней и внутренней социальной сферы» [6, с. 117]. Б. Малиновский показал, что данное сообщество формируется людьми, связанными «даром», т.е. сложной системой взаимного обмена подарками, и теми смыслами, которые они извлекают из этой практики.

Поместив феномен дара в предел экспликации «теории обмена», М. Мосс закрепляет его «классическое» определение: «Дар (подношение, подарок) или жертва — это предмет, который один субъект своим волеизъявлением, обусловленным исторически и социально, передает навсегда другому... Жертва и дар содержат общий смысл: в обоих актах обычно реализуется принцип “*du ut des*” (“даю тебе, чтобы ты дал мне”, “дар должен быть вознагражден”)... принцип обмена реализуется обычно материальными ценностями, но в актах дарения или жертвоприношения утверждается также принцип взаимного доброжелательства в отношениях людей и божеств» [8, с. 173]. Наделяя *дар* статусом *особого культурного механизма*, необходимо поддерживающего социальные взаимодействия между людьми в обществе, моссовская традиция интерпретации феномена заложила исследовательскую перспективу его дальнейшего анализа⁴. Трактуюя «*дар*»

⁴ Так, сохраняя основной тезис М. Мосса о генетической вписанности дара в механизм обмена, в том же антропологическом ключе решает загадку дара К. Леви-Стросс. Согласно его позиции, дар представляет собой частный случай фундаментальной структуры социальных отношений, системы бессознательных правил, регулирующих родовую жизнь. Он считает, что М. Мосс ошибочно принял часть за целое, усмотрев в даробмене вещами ключ к родовым отношениям. Между тем этот ключ, скорее всего, находится в гендерных отношениях родства, преимущественно в обмене женщинами между родами [9]. Кроме того, К. Леви-Стросс предложил исключить фактор времени, на основе которого различались «частные» моменты дара, заявив, что только «обмен, а не отдельные операции, на которые раскладывает обмен социальная жизнь, конституирует примитивный феномен» [10, с. 426]. Редукция диахронии дара сделала концепцию К. Леви-Стросса невосприимчивой к конкретизации феномена дара в культуре, исключив влияние на него социальных мотивов, ценностных ориентаций, поведенческих стратегий.

Позже концепция Леви-Стросса была подвергнута критике П. Бурдьё, который заявил, что отрицая дискретность акта дара, Леви-Стросс подменяет «непосредственно переживаемую последовательность даров объективной моделью взаимобменного цикла» [11, с. 205], в рамках которой реальная практика обмена дарами замещается «такой, какой она переживается и совершается (этот последний опыт безоговорочно отбрасывается как чистая видимость)» [11, с. 205]. Для П. Бурдьё интерес представляла, прежде всего, «субъективная» сторона дара, круг стратегий «субъективного» разрешения *ситуаций вызова и ответа*, предполагающихся актом дара: «Здесь все зависит от манеры, то есть от своевременности и уместности; одно и то же слово, жест, посту-

как нечто «опредмеченное», ученый вместе с тем ставит вопрос, не возникавший ранее в этнографическом исследовании: «Что это за сила, которая обязывает людей дарить, принимать дары и затем передать этот дар другим?». Сам М. Мосс полагает, что за дарением стоит таинственная «связь душ». «Социальные отношения, мораль, эмоциональность, семья и гостеприимство создаются и поддерживаются обратимым, можно сказать, диалогическим обменом дарами и услугами. Можно сказать, что позитивное значение этой формы обмена в том, что она порождает “семейные чувства”, преданность, любовь, великодушие и солидарность. Об этом свидетельствуют “бесчисленные, повседневные и непрестанные обмены – обмены подарками, услугами, помощью, визитами, вниманием, добротой – и исключительные и торжественные обмены членами семейства”» [12].

Исследователь не раскрывает символическую природу *дара*, усложняя ситуацию проблемой семантической путаницы понятий «дар», «жертвоприношение» и «обмен». Как отмечает К. Пашков в работе «Дар и благодарение в контексте христианской и постмодернистской антропологии», «в рамках данной концепции, в триаде “обмен – дар – жертвоприношение”, “дар” занимает во всех смыслах срединное, подчиненно-функциональное положение. Он сохраняет возможность в каждом конкретном случае быть истолкованным, в зависимости от контекста, не только в качестве прецедента явной формы экономических отношений (обмен), но и в качестве религиозного феномена (жертвоприношение), в котором, однако, “экономическая” компонента постулируется также обязательно присутствующей, хотя и в латентном виде» [13].

В поисках определения «дара» М. Мосс исследует латинскую лексику, римское, *пок* – преподнести или вернуть дар, нанести или отдать визит, послать или принять приглашение и т.д. – совершенно меняют свой смысл в зависимости от момента, т.е. от того, приходятся ли они вовремя или не вовремя, кстати или некстати; а дело все в том, что время, *отделяющее* дар от ответного дара, делает возможным коллективно поддерживаемый и апробированный самообман, составляющий предпосылку функционирования обмена» [11, с. 207–208]. В силу этого при анализе дара в качестве культурного механизма необходимо помнить о его *диахронии* и субъективном факторе, так как в реальном обществе (как архаическом, так и современном) все пронизано *отношениями власти и чести*, и дар включен в этот процесс, от чуткости человека к которому зависит устойчивость его социального положения.

индийское, германское право, обращается к этимологии немецкого *geben* и полисемии Gift – gift (дар – яд) в германских языках. «Мосс, – отмечает Деррида, – описывает под именем дара большое количество феноменов различного рода, принадлежащих разным культурам, манифестирующих себя в различных языках, под одной, определенной категорией дара, под знаком “дар”... (но)... что остается проблематичным – так это не только *единство* этого семантического горизонта, но предполагаемая идентичность значения, которым оперируют в качестве основы для перевода и эквиваленции, само существование чего-либо подобного *дару*, общий референт этого знака, который, сам по себе, не определен» [14, р. 26]. Сам М. Мосс в заключительной части «Очерка о даре» отмечает: «Употребляемые нами термины “подношение”, “подарок”, “дар” сами по себе не очень точны, мы не нашли других, вот и все» [7, с. 210]. Вместе с тем ученый закладывает предпосылки к анализу «загадки *дара*» [15]. Настоящая же редукция к трансцендентной природе *дара* как альтернативе экономике присвоения, его символической и экзистенциальной человеческим отношениям сути начинается в связи с актуализацией ситуации культурного релятивизма современного общества и поиском путей ее преодоления.

Заключение. Таким образом, ракурс исследования феномена *дара*, предложенный в качестве социокультурного символического способа формирования со-бытийности, направлен на поиск в ситуации модификаций тоталитарных тенденций нового массового порядка, путей развертывания уникальности индивидуального, возможностей конструирования целостного человеческого бытия. Именно в этих кризисных условиях, размывающих идентичности, превращающих личность в пожирающего потребителя, *дар* как перспектива реализации модуса «быть» выступает единственным способом преодоления тоталитарных угроз. Однако при этом требуются серьезные усилия.

Литература

1. Делез, Ж. Фуко / Ж. Делез; пер. с франц. Е.В. Семиной. Вступ. ст. И.П. Ильина. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 1998 (Французская философия XX века). – 172 с.
2. Франк, С.Л. С нами Бог. Три размышления / С.Л. Франк // Духовные основы общества. – М., 1992. – 750 с.
3. Монтень, М. Опыты: в 3 кн. / М. Монтень; пер. с фр. – М.: Голос, 1992. – Кн. 1. – 384 с.

4. Франк, С. Свет во тьме / С. Франк. – М.: Изд-во «Факториал», 1998. – 256 с.
5. Тернер, Дж. Структура социологической теории / Дж. Тернер; пер. с англ. – М.: Наука, 1985. – 350 с.
6. Малиновский, Б. Избранное: Аргонавты Западной части Тихого океана / Б. Малиновский. – М.: РОССПЭН, 2004. – 552 с.
7. Мосс, М. Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах / М. Мосс // Общество. Обмен. Личность: пер. с фр. – М.: Восточная литература, 1996. – С. 83–223.
8. Рикман, Э. Место даров и жертв в календарной обрядности / Э. Рикман // Календарные обряды и обычаи в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. – М., 1983. – С. 173–185.
9. Levi-Strauss, Cl. Introduction to the Work of Marcel Mauss / Cl. Levi-Strauss. – London: Routledge and Kegan Paul, 1987.
10. Леви-Стросс, К. Предисловие к трудам М. Мосса / К. Леви-Стросс. – СПб.: Евразия, 2000. – С. 409–435.
11. Бурдьё, П. Практический смысл / П. Бурдьё; пер. с фр. – СПб.: Алетейя, 2001. – 562 с.
12. Болдуин, Дж. Жизни нужна страсть: Бодрийяр и дар [Электронный ресурс] / Дж. Болдуин // ХОРА. – 2009. – № 2(8). – С. 89–108. – Режим доступа: <http://www.jkhora.narod.ru/2009-02-07.pdf>. – Дата доступа: 03.06.2016.
13. Пашков, К. Дар и благодарение в контексте христианской и постмодернистской антропологии / К. Пашков // Богословский портал 2010. Сер., Сучасна теология. – 221 с.
14. Derrida, J. Given time. I. Counterfeit money / J. Derrida. – Chicago&London: The University of Chicago Press, 1992. – 171 p.
15. Гodelь, М. Загадка дара / М. Гodelь. – М.: Восточная литература, 2007. – 295 с.

Поступила в редакцию 02.06.2017 г.

РЕПОЗИТОРИЙ ВУЗ